

UDC 81'373.47

INTERACTION OF THE AXIOLOGICAL AND FUNCTIONAL-STYLISTIC CHARACTERISTIC OF LEXICAL UNITS: DYNAMICS OF MEANS OF EXPRESSION OF THE ASSESSMENT

L. Mirzoyeva, Doctor of Philology, Associate Professor
Suleyman Demirel University, Kazakhstan

The problem of interaction between axiological and stylistic characteristic of lexical units is considered in the article. Three main types of the interaction, reflecting correspondence or contradiction between aforementioned characteristics, are described.

Keywords: diachrony, evaluation, stylistic component, emotiveness, decoding, dictionary definition.

Conference participant, National championship in scientific analytics, Open European and Asian research analytics championship

Соотнесенность функционально-стилистических и оценочных маркеров является одной из проблем, представленных как в синхронии, так и на диахронической оси, поскольку историческое рассмотрение коннотаций, способных оказать эмоциональное воздействие на воспринимающего субъекта, необходимо для понимания не только особенностей генерирования оценки, но и особенностей ее рецепции. Так, И.А. Стернин [1] противопоставляет функционально-стилистический компонент другим компонентам – эмоциональному, оценочному и экспрессивному, ибо функционально-стилистический компонент характеризует условия общения, в то время как остальные компоненты – определенное отношение говорящего к предмету сообщения. По мнению И.В. Арнольд [2], оценочные, эмоциональные, экспрессивные и функционально-стилистические компоненты нередко сопутствуют друг другу. Но совпадение компонентов не всегда имеет место, так как присутствие одного из них не гарантирует обязательного присутствия всех остальных, и они могут встречаться в разных комбинациях. Но общий результат – эмоциональное воздействие на реципиента и, соответственно, генерирование оценки – позволяет рассмотреть эти явления как сопредельные, реализующиеся в рамках оценочного континуума. В работах последних лет эта связь прослеживается весьма отчетливо, ср., например: «Во фразеологических именах лиц, выражающих положительную оценку, коннотация

представлена *экспрессивными, эмоциональными и функционально-стилистическими компонентами* (курсив мой – Л.М.): *мастер на все руки* – «человек, умеющий все делать, искусный во всяком деле» [3, с. 11]. В то же время при изучении фразеологизмов – наименований лиц со значением отрицательной оценки – отмечено наличие вульгарно-разговорной окраски, emotивности и экспрессивности [3, с. 11]. Конец XVIII – начало XIX в. для истории русского литературного языка является той эпохой, применительно к которой уже можно с достаточной уверенностью заявлять о стилистической характеристике слова (в противовес, например, началу XVIII в., – эпохе, для которой нормой было ее динамическое отсутствие, представлявшее своеобразную «норму переходного периода») [4, с. 18].

В то же время, по нашим наблюдениям, аксиологическая ориентированность того или иного лексического средства уже в этот период давала возможность определить и стилистическую его характеристику; во всяком случае, уже предпринимаются попытки дать стилистическую оценку с позиции социальной маркированности лексических единиц. Понятия «ядро» и «периферия», а также «социальная маркированность» в имплицитной форме содержатся, в частности, в Рассуждении о старом и новом слоге русского языка А.С. Шишкова. Однако не только «обветшалость» данных слов позволяет дать им негативную оценку как фактам языка; скорее негативно оценены употребляющие их

УДК 81'373.47

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ: ДИНАМИКА СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ

Мирзоева Л.Ю., д-р филол. наук, доцент
Университет им. Сулеймана Демиреля, Казахстан

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия оценочных смыслов лексических единиц и закрепленных за ними функционально-стилистических характеристик. Выявляются три основных типа взаимодействия, отражающих совпадение/диссонанс оценочного и функционально-стилистического маркеров слова.

Ключевые слова: диахрония, оценочность, стилистический компонент, emotивность, декодирование, словарная дефиниция

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

субъекты: «В языке нашем имеются также обветшалые иностранные слова, как например: *авантажиться, манериться, компанию водить, куры строить, комедь играть* и проч. Сии прогнаны уже из Большова света и переселились к купцам и купчихам» (А.С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге русского языка).

Анализ взаимодействия данных характеристик лексических средств выражения оценки в XIX в. производился нами, помимо примеров из корпуса художественных текстов XIX века, также по словарю М.И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое», который изначально ориентирован на отражение экспрессивности тех или иных речевых проявлений.

Литературный язык XIX в. дает богатый материал для того, чтобы проследить связь между сферой употребления и аксиологической характеристикой СВО. По нашему мнению, связь эта существует, но она носит спорадический характер и отличается избирательностью, неоднозначностью: негативная оценка слова (фразеосочетания) как факта речи отнюдь не обязательно связана с наличием сем, индуцирующих негативную оценку, в семантике слова, и наоборот. Наиболее важным является, на наш взгляд, то, что эта взаимосвязь (в особенности – в случае противоречия между оценочным и функционально-стилистическим маркером) может быть выявлена лишь в том случае, когда языковая личность в конкретный период истории языка уже способна к рефлексии как над содержанием прагматиче-

ски нагруженного высказывания, так и над формой, в которую оно облечено. В то же время важно отметить, что функция компенсации информативной недостаточности, выявленная В.Г. Гаком у эмоций и оценок, присуща и стилистическим коннотациям слова [5, с. 240]. Так же, как аксиологические характеристики, они прагматически связаны и характеризуют в большей степени субъект оценки, нежели ее объект (у аксиологического компонента значения слова эта информация представлена в виде «рамки» – «то, что оценивающий субъект обладает такой системой оценок, – хорошо (плохо)», у функционально-стилистического маркера эта рамка приобретает вид «то, что субъект оценки избирает такое средство ее выражения, – хорошо (плохо)». На материале указанного выше словаря М.И. Михельсона, а также фактов художественной речи (по текстам XIX в.) нами были выявлены следующие наиболее типичные случаи соотношения аксиологического и функционально-стилистического параметров в аспекте эволюции СВО как с позиции формы, так и с позиции семантики:

1. Противоречие между формой (грубое просторечие) и оценочными смыслами (мелиоративной оценкой), которое может создать своего рода вторичный оценочный ярус, диссонирующий с аксиологическими коннотациями, ср.: *Прет ему!* – ‘о счастье, удаче’ – «Всякий, кто как мог, охотно постарался бы поправить это попущение Промысла (щадившего Дукача), если бы ему, как на зло, отовсюду незримо не *перло счастье...*» (Н.С. Лесков. Некрещеный поп). По нашему мнению, в приведенных здесь случаях диссонанса функционально-стилистической закреплённости слова и его аксиологической характеристики ситуация сходна с инверсией оценки, т.е. перемены оценочного знака той или иной единицы инвентаря языка в речевой реализации на противоположный. Именно в литературном языке XIX в. находим осмысленное и целенаправленное употребление СВО с инвертированным знаком как средства интенсификации экспрессивности целого текстового фрагмента, ср.: «... волосы его были что-то очень

уж черны, светлые глаза его что-то уж очень спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, румянец что-то уж слишком ярк и чист, зубы как жемчужины, губы как коралловые – казалось бы, *писаный красавец*, а в то же время как будто и *отвратителен* (курсив мой – Л.М.)» (Ф.М. Достоевский. Бесы).

2. Противоречие обратного характера (встречается несколько реже): соотношение слова с мелиоративной зоной шкалы оценок диссонирует с его негативной стилистической квалификацией (фиксируемой в словаре применительно к конкретному временному отрезку): *Решект иметь* – (*вульг.*) – ‘уважение’. «Хотя матушка и считала себя, в некотором роде, белой кости, а батюшку от хама производила, я, грешный человек, никогда к левитову колену... *большого решекта не имел*» (П. Боборыкин. Василий Теркин). Подобный диссонанс обеспечивает переориентацию всего текстового отрезка на пейоративный полюс шкалы оценок и соответствующее декодирование содержательно-подтекстуальной информации, что совершенно не было свойственно предшествующим этапам истории русского языка.

3. Соответствие оценочной и функционально-стилистической характеристик слова. При этом наличие у слова отрицательного функционально-стилистического маркера может послужить в качестве средства интенсификации выражаемой им оценки (иногда даже в большей степени, чем сама семантика слова): «Поздравь: *продулся* в пух! Верить ли, что никогда в жизни так не *продувался*» (Н.В. Гоголь. Мертвые души). Безусловно, усиление степени интенсивности оценки достигается при соответствии оценочного знака, закреплённого за средством выражения оценки, и возникшей в результате осмысления его как факта речи «вторичной» оценки, имплицитно либо эксплицитно присутствующей в слове (фразеосочетании) в качестве стилистического маркера и определяющей границы нормативного употребления: *слимонить* (грубо просторечная окраска, отмеченная как Словарем Академии Российской, так и словарем «Русская

мысль и речь», свидетельствует об отрицательной характеристике данного СВО как факта лексической системы языка) – ‘воровски взять, украсть’ (отрицательная оценка самого действия, факта). Аналогичен случай с таким лексическим СВО, как *рыло* (как в составе ФЕ, так и в случаях изолированного употребления): «У нас тут в городе цыганка живет: *рыло-рылом*, а запоет – *гроб!*» (И.С. Тургенев. Бригадир). Негативная оценка факта с эстетических позиций органично сочетается с пейоративной оценкой самого СВО как факта лексической системы; негативно оценочный колорит накладывается и на последующую часть высказывания, цель которой – мелиоративная оценка («а запоет – *гроб!*»), подчеркивая амбивалентность выделенного далее СВО. Ср. также ФЕ *рылом не вышел* («С твое не знаю что ль? *Рылом не вышла* учить меня... *Ступай*» (П.И. Мельников. В лесах); *рыльце в пуху* (в значении «совершивший несправедный поступок»). «Хоть по суду и не докажешь, Но как не согрешишь, не скажешь, Что у него *пушок на рыльце есть*» (И.А. Крылов. Лисица и Сурок).

Негативная эстетическая оценка как явления, так и его фиксированного обозначения в лексической системе имеет место и в таком СВО, как *харя*. Интенсивность пейоративной квалификации, очевидно, обусловлена бранным характером СВО, его приближенностью к инвективам. Применительно к подобным случаям можно говорить и о том, что семантико-стилистический диссонанс данного СВО и контекстуального окружения индуцирует в итоге высокую степень пейоративности: «Потом, в суконном колпаке, С указкою в руке, С жеманной *харью* явился пред собором» (В.А. Жуковский. Мартышка).

Взаимодействие аксиологических и функционально-стилистических характеристик языковых единиц прослеживается и в репрезентации их оценочных смыслов, т.е. в попытке их эксплицировать посредством словарной дефиниции. Так, достаточно часто негативные оценочные смыслы эксплицируются в процессе дефинирования, инструментом которого служат слова, отрицательно оцениваемые

как факт языка (имеющие сниженную стилистическую характеристику [6], а порой – грубо просторечные): «*отвести глаза* – отвести внимание, чтобы *надуть* незаметно»; «*откатать* – больно прибить, *отдубасить*, *валать*» и т.д. Здесь налицо отражение как собственно языковой, так и метаязыковой стороны оценочности, все более отчетливо проявляющейся в процессе эволюции; так, в русском литературном языке XIX в. расширяется возможность использования функционально-стилистических характеристик с целью выражения позитивного/негативного отношения к характеризуемому объекту. Это, по нашему мнению, может иметь место благодаря тому, что в рамках эволюции категории оценки и категории нормы к определенному моменту на диахронической оси за СВО закрепляется позитивная/негативная стилистическая квалификация.

Отметим также, что прагматическая нагруженность оценочных высказываний в языке XIX в. в результате поступательной эволюции СВО эксплицируется все более отчетливо, что является свидетельством взаимосвязанности исторического развития системы СВО и языковой прагматики. Так, ситуативная аксиологическая характеристика высказывания *Помяни, господи, царя Соломона и всю премудрость его* (отсылка к ставшему квазистереотипом собственному имени, помогающему отчетливо эксплицировать сему «мудрость», способствует, на первый взгляд, декодированию положительно оценочного смысла; однако объектом оценки в данном случае служит «завравшийся глупый болтун»). Поэтому лишь специфика данной структурной составляющей оценки позволяет, устраняя порожденные ее двойственным характером ассоциации реципиента, верно соотносить данный фрагмент с пейоративной частью шкалы оценок. Отметим также прагматический характер негативно оценочного смысла лексемы *юрист* (М.И. Михельсон дает чисто оценочную квалификацию в сочетании с соответствующим функционально-стилистическим маркером – ‘законник-крюкотвор’, «что плохо»; в русском литературном языке XX в. это пей-

оративное значение можно считать практически утерянным – Л.М.): Он был *юрист*; прекрасный человек, но на руку нечист (Н.И.Хмельницкий. Говорун). Как отмечает сам создатель словаря «Русская мысль и речь», «почтенное звание адвоката, вследствие злоупотреблений многих из них, в продолжение многих веков служило предметом сатиры (курсив наш – Л.М.) и до настоящего времени не избавлено от едких насмешек, как за границей, так и у нас». Это типичный пример восприятия как денотата считывания словарных определений, а в результате личного социального опыта, опыта предшествующих поколений, традиций социума...» [7, с. 38], что предполагает скрытую ориентацию не только на негативную аксиологическую, но и на отрицательную функционально-стилистическую характеристику слова.

Можно утверждать, что изучение аксиологических и функционально-стилистических характеристик лексических (фразеологических) единиц в их взаимодействии и взаимопроникновении способствует не только раскрытию механизмов порождения экспрессивности высказывания и текста, но и определению особенностей языковой личности (творящего и воспринимающего субъекта) в конкретный период развития языка. В свою очередь, данная взаимосвязь оценочности и функционально-стилистических характеристик языковых единиц в русском языке XIX в. свидетельствует о развитии новых тенденций в области категории оценки, соответственно отражая эволюционные процессы на данном уровне реализации его системы, находящейся в постоянном количественном движении и качественной трансформации.

References:

1. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового созидания / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: Ин-т языкознания, 1996. – С. 97 – 112.
2. Арнольд И.В. Стилистика со-

временного английского языка. Стилистика декодирования. – Л.: Просвещение, 1973. – 303 с.

3. Сайтова Э.М. Имена лиц во фразеологической картине мира (на материале немецкого, русского и башкирского языков): автореф. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 25 с.

4. Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII века (Историко-лингвистический аспект). – Алматы, 1995.

5. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы / Под. ред. Б.А. Серебrenникова, А.А. Уфимцевой. – М., 1977. – С. 230–293.

6. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Айрис-Пресс, 2008. – 448 с.

7. Карасик В.И. Язык социального статуса. // М.: Ин-т языкознания РАН; – Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с

Idea by - B.Zhytnigor
Illustrator - Y.Simonov

International Academy
of Science and Higher Education